

В. Я. Евсеев. *Исторические основы карело-финского эпоса*, кн. 1, М.—Л., 1957, 334 стр.

Наша фольклористика обогатилась ценным исследованием о карело-финском эпосе. Книга В. Я. Евсеева — итог его многолетнего труда по собиранию и изучению карельских эпических рун. Это — первый том обширного исследования по истории карело-финского эпоса, охватывающий первобытно-общинный период и эпоху феодализма. Во втором томе автором намечено опубликовать исследование по поэтике карельских рун и их судеб в капиталистическую эпоху и в период социализма.

Как и в своих прежних работах, В. Я. Евсеев в рецензируемой книге широко использует и старые классические записи рун, и новые, сделанные большей частью им самим. В противовес школе Каарле Крона он не реконструирует «праформу» отдельных рун, а, тщательно интерпретируя все текстовые варианты, воссоздает живую историческую картину. Большое внимание уделено им отражению в рунах социально-экономических процессов, положения отдельных групп трудового карельского населения, крестьянских волнений, военно-политических событий в Новгородской и Московской Руси и участия в них карел. Книга представляет собой своего рода историю карельского крестьянства, представленную в материалах эпоса.

Весьма содержателен данный автором анализ семейно-родовых отношений. На основании скрупулезного анализа вариантов рун автор рисует процесс перехода от матриархата к патриархату, исследует архаические формы семейно-брачных отношений — следы группового брака, матрилокального поселения и связанного с ним «брака отработкой», экзогамные запреты, вынуждавшие искать невесту в далекой и враждебной Похьеле (на что обратил внимание еще Кастрен). В. Я. Евсеев совершенно прав в том, что руна о кровосмесительной связи Куллерво с сестрой выражала осуждение не incesta, а нарушения экзогамии. В исследовании дана четкая характеристика матриархальной природы таких образов, как хозяйка Севера, хозяйка Пяйвелы, мать Лемминкейнена; любопытны сведения о женской ипостаси Вейнемейнена. Однако некоторые утверждения автора спорны. Нет уверенности в том, что формула: «многие ведь туда уходили, мало кто оттуда возвращался», символизировала матрилокальный брак, при котором мужья оставались в роду жен и не возвращались в свой род; скорее здесь имеется в виду трудность испытаний, которые предстоят герою. Не совсем ясна и не очень убедительна мысль о том, что отраженные в рунах о Лемминкейнене свободные брачные отношения служили в кругах военной демократии оправданием свободной любви и снимали остроту борьбы за патриархальный уклад (стр. 103).

Большие сомнения вызывает гипотеза о создании образов героев «Калевалы» в эпоху матриархата. Если в вариантах вместо Антеро Випунена встречается хозяйка Похьелы или мать-земля, то отсюда не обязательно следует тождество Антеро Випунена, а тем более Лемминкейнена с этими образами. Упоминание в одной из заговорных рун «бабки Вейнемейнена», а тем более отказ Вейнемейнена выпить пива из-за недостатка мужества не являются достаточными основаниями для приписывания этому образу матриархальных черт.

В. Я. Евсеев правильно подчеркивает трудовую основу карело-финской поэзии, но несколько наивно звучит его замечание об освобождении Вейнемейнена из чрева Випунена: «...Характерно и то, что в утробе своего поглотителя герой всегда трудится и при помощи труда освобождается из его утробы» (стр. 104).

Малоубедительна гипотеза о том, что Вейнемейнен — балто-славянский культуртрегер, взявший девушку из карельского рода. Не следует забывать, что руны о Вейнемейнене отражают специфику культуры рыболовов (он вырывает рыбные ямы, первый строит лодку и изготавливает сеть, делает кантеле из рыбных костей, даже огонь добывает в виде огненной рыбы, и т. п.¹).

Рыболовная культура была характерна для древнейших финно-угорских насельников территории Карелии. Что касается балто-славян, то они были в первую очередь скотоводами и земледельцами. Согласно точке зрения автора настоящей рецензии, образ Вейнемейнена в древнейшей редакции представляет собой «культурного героя» одного из архаических неолитических рыболовческих племен, принявших участие в этногенезе карел².

¹ Подробнее см. об этом в работе М. Хаавио «Вейнемейнен», вышедшей на финском языке в 1950 г. и на английском в 1952 г. в серии FFC № 144.

² В заговорных и эпических рунах с Вейнемейненом связывается происхождение камней, добывание огня, железа, изготовление первой лодки, рыболовных сетей, лечебных мазей, кантеле. В руне о составлении с Юкахайненом Вейнемейнен вспоминает о мифических временах, когда море было сухим и при его участии было вспахано, засеяно, когда были созданы там рыбные ямы, скалы, рельеф берега. На его колене утка высидела яйцо, из которого создала мир. Подобно другим «культурным героям» Вейнемейнен добывает солнце, месяц и звезды, заключенные в скалу злой хозяйкой Севера. Возможно, что она первоначально мыслилась как мифическая старуха-хранительница благ культуры — матриархальный образ, аналогичный океаническим старухам-прародительницам. Безусловный параллелизм между похищением небесных светил и похищением сампо наталкивает на предположение, что похищение сампо было первоначально «культурным» подвигом Вейнемейнена, а само сампо — одним из культурных благ или, вернее, обобщенным представлением об этих благах, которые

В. Я. Евсеев прекрасно анализирует отражение в рунах средневекового семейного быта. Образцами, взятыми из эпических песен, он иллюстрирует смену «брака отработкой» браком-покупкой. В этой связи он анализирует руну о «запроданной деве», о соблазнении сестры (усматривая в вариантах этой песни осуждение брака по расчету) и другие средневековые песни-баллады.

Карельский эпос — ценный источник для характеристики различных видов и этапов хозяйственной деятельности карел. В. Я. Евсеев убедительно раскрывает это. Он находит, например, в тексте руны об изготовлении лодки Вейнемейнена (и в других рунах) не только указание на старинный способ выжигания лодки из цельного ствола или обтягивания остова лодки шкурами, но и следы применения каменных орудий, что указывает на исключительную древность руны. Следы каменной техники, по его мнению, иногда сохраняются в пародийной или фантастической форме в мотивах трудных задач, например «нащипать лучины из камня» или «наточить камень».

Большой интерес представляет указание автора на отражение особенностей полесечно-огневого земледелия в мотивах вспахивания змеиного поля и выпаживания корней сампо. Вслед за финским этнографом Е. Лепяхо автор книги видит в заговорной руне о рождении железа отражение архаического сюжета — сбора болотной железной руды по следам зверя. Распространенность в южной Карелии обработки озерной и болотной руды сделало там популярным образ кузнеца Ильмаринена. Образы лося, коня, быка (дикого и ручного) автор связывает с общинной охотой, скотоводством. Сравнение в рунах коня с медведем указывает якобы на одичалых коней, которых отпускали в лес после весенних полевых работ.

В образе сампо В. Я. Евсеев находит отражение различных отраслей хозяйственной деятельности — рыболовства, земледелия и т. п. Весьма убедительно его предположение, что представление о сампо как мельнице, мелющей муку, соль и деньги, развилось «в связи со специфическим для Беломорской Карелии выражением в деньгах соотношения таких видов трудовой деятельности, как солеварение и размол муки» (стр. 16), т. е. в связи с изготовлением так называемых цренов.

Большое место в работе отведено отражению в рунах распада общинных форм хозяйства и появления частной собственности. Еще К. Крон обратил внимание на обильное употребление в «Калевале» эпитетов «большой» и «маленький». В. Я. Евсеев предлагает остроумную гипотезу, считая, что в эпитетах «большой» и «маленький», как и в притяжательных местоимениях «наш» и «мой», отразились представления об общинном и частном владении и хозяйстве. Идея интересна и плодотворна, но автор несколько злоупотребляет ею, делая ее главным критерием для определения следов общинных отношений. На это, по его мнению, указывают не только большие двор, изба, лодка, мельница, невод, поле, пожога, жернов, но и «большой бык», которого поедают всем коллективом, «большая щука» как символ коллективного улова, «большая собака» и «большая стая белок» как признак коллективного распределения охотничьей добычи, «большое сампо» как общее сампо, которое сообща похищают и которым сообща пользуются, «большой мерин» и т. п. Маленькие у него не только рабыня, домик, межа, котел, ступка, но и конь, оружие, монеты, лодка и т. п. Такие же натяжки иногда допускаются с местоимениями. Например, обращение к Ильмаринену во множественном лице, по мнению автора, означает, что Ильмаринен воплощает коллектив пахарей, тогда как это может быть поздней формой обращения на «вы».

В. Я. Евсеев с большим знанием дела на обширном историческом фоне рассматривает руны с точки зрения отражения в них общинных форм рыболовства, охоты, земледелия. Он показывает смену первобытно-общинных форм артельными, характерными для эпохи феодализма. Некоторые сюжетные и лексические моменты позволяют автору отметить отражение в рунах промыслового рыболовства и охоты (указание на товарно-денежный характер охоты в вариантах руны о погоне за лосем Хийси, сопоставление мотива ссоры Каллерво и Унтамо с отраженными в исторических актах XV в. нападениями карел-рыболовов на места рыбной ловли, купленные новгородским тысяцким на реке Выг). Очень содержательна характеристика социальных отношений в период средневековья у скотоводов (Куллерво как долговой раб или батрак в пастухах) и земледельцев, но, пожалуй, излишне прямолинейен тезис о том, что «в отказе земледельца Лемминкейнена от приглашения на пир Пяйвелы ...можно усмотреть отражение антагонизма между единоличным стремлением героя руны и общинным мировоззрением людей Пяйвелы» (стр. 193).

В. Я. Евсеев находит в рунах и отражение товарно-меновых и денежных отношений в средневековом городе и деревне (купля-продажа зерна, сампо как «денежная» мельница, пушной промысел на продажу и т. п.).

В специальный раздел, очень богатый по материалу, собраны сведения об отражении в рунах феодальных повинностей. Автор совершенно прав, когда пишет: «как в пестром калейдоскопе, переплетались в Финляндии и в Карелии XII—XV вв. дань, подати, земельные налоги, выраженные даже в деньгах, — все формы обложения

Вейнемейнен, подобно Прометею, добывал для людей. Изготовление сампо Ильмариненом, этим карело-финским Гефестом, — безусловно более поздний мотив, о чем свидетельствуют и данные стили. «Уход» Вейнемейнена также характерен для сказаний о «культурных героях».

вплоть до оброка и барщины» (стр. 244). В балладах он справедливо выявляет антифеодалные мотивы. Однако некоторые предположения высказаны им в слишком категоричной форме: например, утверждение, что в руне о феодале Курки, убившем оклеветанную жену, «резко осуждается частнособственническое отношение феодала-ревнивца к своей молодой жене» (стр. 212), что в лице рыцаря Эрика, пытавшегося соблазнить жену другого рыцаря, бывшего в это время в походе, «типически обобщались те группы трусливых и корыстолюбивых феодалов, которые даже во время войны оставались в своих поместьях и продолжали эксплуатировать крестьян» (стр. 213).

Автору монографии очень удалось трудные главы о религиозно-мифологических представлениях в рунах, об элементах средневековых христианских воззрений. Он исследует также черты тотемизма, анимизма, магии в рунах, справедливо подчеркивая примат трудового опыта перед религиозно-мифическими элементами.

Правильна трактовка мифологических корней образа Ильмаринена: «Разумеется, представление об Ильмаринене так и не успело окончательно приобрести черты языческого божества — творца небосвода, как началось развитие эпического образа кузнеца Ильмаринена», но «в качестве поэтического материала... были использованы языческие представления о божестве неба» (стр. 120). Вообще анализ образа Ильмаринена очень удался В. Я. Евсееву. Это отчасти объясняется его большой работой по анализу южнокарельских вариантов, в которых Ильмаринен занимает центральное место.

Любопытно, но спорно предположение об отражении в образе выкованной кузнецом «золотой девы» культа матери-земли, о прямой связи этого образа с обнаруженными археологами фигурами «золотых баб» — изображений умерших.

Очень интересно и весьма правдоподобно предположение, что в версиях руны о поездке в Туонелу для починки саней отразился саамский обычай оставлять опрокинутые сани на могиле. Хорошо проведен анализ сказания о выковке цепи для кузнеца Хийси, о преследовании христианского бога Луе «ватагой поганых». Автором монографии собран ценный материал по антиклерикальным мотивам средневековых рун.

Большую ценность представляют те главы монографии, в которых, как уже упоминалось, анализируется поэтическое отражение в рунах исторических событий: крестьянских волнений, войн эпохи феодальной раздробленности, событий периода Русского централизованного государства. «Руны отразили не только подневольный труд крестьянского населения, но в них звучит голос протеста крестьян против феодального гнета» (стр. 254).

Автор видит в руне об убийстве епископа Генриха отражение религиозно-окрашенных крестьянских восстаний в юго-западной Финляндии. Эта песня возникла, по его мнению, в совершенно другой среде, чем католическая легенда о Генрихе. Он считает, что в рунах отражены также военные столкновения с норвежцами-мурманами, с лопью, участие карел в войнах со шведами, с ливонскими рыцарями; по его мнению, имеются даже отголоски татарского нашествия.

В поздних карельских рунах типа исторических песен повествуется об Иване Грозном и Петре I, о шведских полководцах Якко и Пунтусе Делагарди. Эти исторические фигуры выступают главным образом в вариантах исторической песни о взятии Выборга. В. Я. Евсеев полемизирует с К. Кроном и другими финскими исследователями, считавшими, что сначала сложились песни о шведских полководцах и лишь впоследствии сюжет о взятии крепости был прикреплен к именам Ивана Грозного и Петра. Он довольно убедительно доказывает первичность песни об Иване Грозном и одновременно подчеркивает патристический пафос карельских исторических рун, отразивших историческую дружбу карел с русскими.

Книга В. Я. Евсеева ценна как своеобразный исторический комментарий к карело-финским эпическим рунам. Меньше внимания в ней уделено специфически художественной стороне эпоса — образам, сюжетам, поэтическим особенностям. Карело-финский эпос рассматривается автором как зеркало истории почти на всем ее протяжении, но он не фиксирует момента сложения основного ядра эпоса, его важнейших циклов. Отдельные мотивы, детали, лексические обороты часто рассматриваются в книге вне системы сюжета и образа, а прямо и непосредственно как отражение черт быта или исторических событий.

Слабее других частей работы — историографический очерк. Справедливо противопоставляя свой метод «финской школе», автор порой нигилистичен по отношению к трудам финских ученых различных направлений, работы их излагаются иногда отрывочно, бессистемно, а критика поверхностна. Вместе с тем в историографическом очерке много ссылок на небольшие популярные статьи, написанные не специалистами. Однако эти недочеты, видимо, будут компенсированы во втором томе, где анализ поэтики рун будет сопровождаться, надо думать, соответствующими историографическими примечаниями.

В целом книга В. Я. Евсеева — значительное и положительное явление в нашей фольклористике, итог многолетнего труда этого энтузиаста-собирателя и исследователя рун «Калевалы».

Е. Мелетинский